

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Разные взгляды

«Public Domain»

1921

Куприн А. И.

Разные взгляды / А. И. Куприн — «Public Domain», 1921

«Нельзя утверждать, что советские сатрапы-министры, губернаторы и генералы так уж голословны, когда они свидетельствуют перед лицом всего мира, устно и печатно, о добровольном приятии Россией радостей коммунистического парадиза. Нет: у них имеются для этого неопровержимые доказательства, условленные нарочитыми „царскими очами“ и „царскими ушами“ и зарегистрированные специальными докладчиками...»

Куприн Александр Разные взгляды

Нельзя утверждать, что советские сатрапы-министры, губернаторы и генералы так уж голословны, когда они свидетельствуют перед лицом всего мира, устно и печатно, о добровольном приятии Россией радостей коммунистического парадиза. Нет: у них имеются для этого неопровержимые доказательства, условленные нарочитыми «царскими очами» и «царскими ушами» и зарегистрированные специальными докладчиками.

– Есть публичные жалобы на строй?

– Никак нет, ваше-ство!

Когда-никогда заверещит вслух какой-нибудь протестант. Но только на секундочку. Потом уже больше не верещит.

– Все довольны?

– Так точно, все!

Да что греха таить: скажу про себя. Раза три в неделю мне приходилось ездить из Гатчины в Питер и обратно, и очень-очень часто сосед по вагонной скамейке обращался ко мне игриво-доверчиво:

– А что, товарищ, как вы полагаете, вот мы с вами едем, как селедки в бочке, а комиссары, небось, катаются со своими девками в экстренных поездах. Тоже, вот, насчет муки или, скажем, сахару...

Но я неуклонно и твердо возражал в этих случаях словами народа из первого действия «Периколы»:

– Простите, товарищ, я ничего этого не знаю... Я знаю только одно, что – «Да здравствуют Советы!» А с посторонними, простите, в вагонах не разговариваю...

И он уходил с видом бульдога, у которого отняли косточку. Мне скажут:

– Но ведь это недостаток гражданского мужества.

Весьма возможно-с! Но я сам был свидетелем того, как окончился один свободный вагонный диалог. Какой-то френч пробуждал революционное сознание в корявой, но очень услужливой старушонке:

– Ты посмотри, бабка, сколько раньше было этих самых жуликов и разбойников!..

– Верно, верно, батюшка, конца края им не было... Попили нашей кровушки!

– Ну вот! А теперь стало чисто. Куда же это жулье девалось?

– Все в комиссары пошли, батюшка, все в комиссары!..

А на станции Александровской старушонку изъясил из вагона человек с ружьем... Хотя разве помешал этот пустой, единичный и смешной факт картине общей российско-социалистическо-федеративно-советской республиканской идиллии? Восстания – и те не мешают.

Иные русские политики за границей глубоко убеждены, что коренное население Советской России решительно против вмешательства иностранных держав, так же как оно против изгнания большевиков вооруженной рукою. Эти политики сами слишком давно из России, чтобы быть очевидцами. Но так уверяют их партийные товарищи оттуда.

Изо всех животных только человек способен совершенно искренно видеть наяву то, что он хочет видеть, но чего нет. И не в одних только чиновничьих департаментах, но и в партиях люди умеют почти невольно, почти бессознательно – ...курить в направлении, заданном ладаном.

Разве еще задолго до 1905 года мы не бывали свидетелями того, как в редакцию толстого радикального журнала влетала зимою толстая радикальствующая барыня и, торопясь развьючиться от платков, шарфов и перчаток, сыпля вокруг себя снег, восклицала еще из передней:

– Изумительно! Потрясающе!.. Еду я сейчас на извозчике. Я ему говорю!.. А он мне говорит!.. Поразительно!.. Простой извозчик!..

Господа, революция на носу!..

И чья-нибудь седая борода в очках роняла глубокомысленно:

– Гм... Факт как таковой весьма знаменателен!..

Мы же, прожившие в России несравненно дольше, мы, тоже получающие оттуда известия, но не от сопартийников, а от простых беспристрастных наблюдателей, – мы вывели совершенно противоположное убеждение и не можем от него отступить. Мы знаем, что вся Россия дрожала от радостного ожидания во время наступления белых армий и молилась за их вождей. Мы знаем, что если бы Юденич не оттянул почти насильно талабцев генерала Пермикина и они, так героически ликвидировавшие Кипенский прорыв, вторично докатились бы до Петрограда, то из всех домов, из всех окон полетели бы на головы большевикам горшки, стулья, лампы, кастрюли, самовары...

Видите, какое странное расхождение во мнениях. Но оно идет еще глубже.

Иные русские политики за границей утверждают, будто благоверный народ не забыл того, что землю ему дали эсеры, и что только они и могут ее закрепить за ним навеки, и что поэтому настоящее правительство дадут ему те же эсеры, ожидаемые столь нетерпеливо.

А мы, например, слышали о следующей форме, в которую вылились народные чаяния:

– Нам чтобы долой всех коммунистов и комиссаров, чтобы были советы и была бы республика, а над ней чтобы был царь, да такой, что как он кулаком по столу треснет, то чтобы у всех в мире ноги затряслись!

Нелепо? По-моему, лепо. Здесь нет и тени монархической идеи. Здесь требование выборного начала и нестерпимая жажда твердой, близкой, своей, собственной, родной власти, какая бы она ни была, – едино– или многоличная.

И еще дальше идет наше расхождение.

Они говорят: предоставьте Россию самой себе, она восстанет и в несколько дней сбросит большевистское бремя. Видите, она уже восстает!

Ах! Вспомните первый сон Раскольникова об истязаемой клячонке, да и сами вы, конечно, видели, как на въезде на горбатый Троицкий мост озверелый мужичище хлещет по ногам и по морде лядащую, вспаренную, перегруженную лошаденку. Может быть, некоторые из вас, глядя на конвульсивные движения несчастного животного, думали: вот она сейчас разнесет вдребезги и телегу, и возчика... но лишь глядели и молчали. Но куда ей, заморенной, разнести!

А нужно было поступить вот как:

– Городовой! Что же ты, братец, сукин сын, разинул рот и любишь? Вот мой значок!

Какой твой номер? Живо разгрузить телегу, а возчика – в часть. Там ему покажут!

Или так, как сделал однажды мой приятель, цирковой артист, человек самый смиренный на свете, но слишком горячо любивший лошадей. Он подошел к извозчику, обругал его единственным черным русским словом, какое только нашел – «ви! больван!» – и ударил его по скуле, что сразу произвело магическое умиротворяющее действие.

1921 г.